

Е.И. ИСМАГИЛОВА, Е.В. ФЕДОТОВА

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

ORCID: 0000-0001-5135-865X

ORCID: 0000-0002-3479-7455

К проблеме сравнительных исследований материнской и диаспорной фольклорных традиций (на примере чувашского музыкального фольклора)¹

В статье рассматриваются архивные звукозаписи фольклорно-музыкальной экспедиции 1983 года в Красночетайский район Чувашской Республики. Предпринимается сравнение этого материала с образцами песенного фольклора, записанными в 2008 году в чувашских деревнях Тарского и Муромцевского районов Омской области от потомков переселенцев – носителей той же локальной традиции, изначально зафиксированной в Поволжье. Цель настоящего исследования заключается в сравнении материнской и диаспорной фольклорных традиций, разделённых временным промежутком в 25 лет. Музыкальный фольклор красночетайских чувашей в записях 1983 года представлен большинством традиционных жанров чувашского песенного фольклора, свойственных музыкальному диалекту верховых чувашей. Зафиксировано исполнение ряда образцов календарных и семейных, гостевых и лирических песен, а также наигрышей на гусях. В 2008 году в Омской области от потомков чувашских переселенцев была записана преимущественно этнографическая информация о праздниках и обрядах, в то время как песенный фольклор представлен небольшим количеством образцов. В практике пассивного хранения находятся масленичные, рекрутские, гостевые, лирические песни. Важную роль играет пласт жанров, заимствованных из русской музыкальной культуры: песни поздней традиции, частушки, фольклоризованные православные песнопения. Немногочисленные образцы, записанные в Омской области, демонстрируют свойственные чувашской песенной традиции стилистические закономерности, такие как пентатонная ладовая система, квантитативная ритмика, монострофные стиховые структуры и другие. Сохранение этих особенностей свидетельствует об их глубокой стабильности и значимости для чувашской песенной культуры, о существующей связи песенного фольклора омских чувашей с материковой традицией Красночетайского района Чувашии.

Ключевые слова: чувашский музыкальный фольклор, песенная традиция чувашей Сибири, фольклорная диаспора, сравнительные исследования в фольклоре.

Для цитирования / For citation: Исмагилова Е.И., Федотова Е.В. К проблеме сравнительных исследований материнской и диаспорной фольклорных традиций (на примере чувашского музыкального фольклора) // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2022. № 2. С. 137–146. DOI: 10.17674/2782-3601.2022.2.137-146

EKATERINA I. ISMAGILOVA, ELENA V. FEDOTOVA

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

Chuvash State Institute for Humanitarian Studies

Cheboksary, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5135-865X

ORCID: 0000-0002-3479-7455

Concerning the Problem of Maternal and Diaspora Folklore Traditions Comparative Studies (With Chuvash Musical Folklore Samples)

The article considers archive records of the 1983 musical-folklore expedition in the Krasonchetaiski district of Chuvash Republic. The article compares this material with the specimens of song folklore recorded in 2008 in Chuvash villages of Tarski and Muromtsevski districts of the Omsk region from the descendants of Chuvash migrants, who were the bearers of the same local traditions as identified in the Volga region. The aim of the present study is to compare maternal and diaspora folklore traditions that are divided by 25 years time period. Chuvash musical folklore of Krasonchetaiski district in 1983 was represented by the majority of traditional genres of song folklore inherent to the musical dialect of Verkhovyykh Chuvashes. Performing a number of genres of calendar and family folklore, guest and lyrical songs as well as psaltery (gusli) playing are noticed. In 2008 in the Omsk region predominantly ethnographic information about the holidays and rites was recorded from the descendants of Chuvash migrants, while the song folklore was represented by a small number of samples. In the practice of passive storage there is the Pancake week (Maslenitsa), military recruitment, guest and lyrical songs. Its own important role plays the layer of genres adopted from the Russian musical culture (late tradition songs, ditties (chastushki), folklorized Orthodox chants. A few samples recorded in the Omsk region demonstrate stylistic patterns characteristic of the Chuvash song tradition, such as the pentatonic modal system, quantitative rhythm, monostrophic verse structures, and others.

It is evidence of the profound stability of traditions and their significance for Chuvash song culture, as well as of the existing Omsk region Chuvash song folklore connection with the Krasonchetaiski district of Chuvashia mainland tradition.

Keywords: Chuvash musical folklore, Siberian Chuvash song tradition, folklore diaspora, comparative studies in folklore.

В современном отечественном этномузыкальном знании благодаря значительному корпусу архивных и опубликованных материалов, а также всё возрастающему числу современных аудиозаписей, становятся особенно актуальными компаративные исследования. Среди них выделяются работы, направленные на изучение разноэтнических традиций, сформировавшихся на одной территории и

бытовавших на протяжении длительного периода в единых климатических, хозяйственных и историко-культурных условиях [1, с. 6]. Проводятся также сравнительные исследования фольклора одного этноса на материнской (метропольной) территории и в условиях диаспоры [9, с. 10]. Настоящая работа принадлежит ко второму из обозначенных направлений этномузыкальной компаративистики.

Известно, что около половины всех чувашей проживает за пределами Чувашской Республики [2]. Так, в Сибири чувашаи появились в результате нескольких переселенческих волн, из которых самая многочисленная приходилась на 1910–1920-е годы [8, с. 68–70]. В течение преимущественно первой половины XX века чувашаи расселились по всем областям сибирского региона². Чувашские поселения, возникшие в обозначенный период и основанные выходцами из Красночетайского и Ядринского районов (территории проживания верховых чувашей – *вирьял*), существуют и в некоторых районах Омской области³.

В настоящей работе рассматриваются впервые введённые в научный оборот архивные звукозаписи музыкально-фольклорной экспедиции 1983 года в Красночетайский район Чувашии (село Красные Четаи, деревни Тарабаи, Атнары, Вторые Хорваши, Акчикасы, Ягункино, Тиханкино), выполненные чувашским музыковедом М.Г. Кондратьевым⁴. Предпринимается сравнение этого материала с образцами песенного фольклора, записанными в 2008 году участниками экспедиции Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки под руководством Н.В. Леоновой в чувашских деревнях Тарского (д. Машканка) и Муромцевского (д. Казанка, д. Кондратьево) районов Омской области⁵. Причем запись велась от потомков чувашских переселенцев – носителей той же локальной традиции, что и зафиксированная на материковой территории на четверть века ранее.

Цель настоящего исследования заключается в сравнении материнской и диаспорной фольклорных традиций, в выявлении особенностей существования народно-песенной культуры верховых чувашей на сибирской земле в начале XXI века. Поскольку устное народное творчество от-

носится к медленно эволюционирующим культурам, изменения в нём, как правило, происходят постепенно и часто малозаметно [6, с. 15, 16]. Подобные компаративные исследования с временной разницей в 25 лет позволяют проследить развитие фольклорной традиции: рассмотреть формы её бытования и уровень сохранности, проанализировать изменения в сфере жанровой системы, выявить стабильные и мобильные элементы культуры. Избранный в работе сравнительный аспект диктует свою логику изложения материала: сначала рассматривается песенный фольклор, записанный в Поволжье, затем анализируются сибирские образцы, далее следует сравнение материнской и переселенческой традиций.

По итогам экспедиции 1983 года М.Г. Кондратьев опубликовал статью «Пуласлăх валли упраса хăвармалла» («Сохранить для будущего») в двух номерах Красночетайской районной газеты «Коммунизм сұлэпе» («По дороге коммунизма»), содержащую ценные наблюдения над обозначенной локальной традицией [5]. Автор сообщает о её ярком своеобразии и отличии от песенных традиций, существующих в других местностях.

По мнению М.Г. Кондратьева, на обследованной им территории совсем не ощущается влияния русского фольклора, несмотря на близкое расположение русских поселений. В качестве локальных особенностей исследователь указывает на активное бытование, в том числе и в молодёжной среде, *сенокосных песен* (*утăҫи юрри*). В деревне Тарабаи была зафиксирована живая традиция игры на гусях. Удалось также записать редкий образец колыбельной, календарно-обрядовые песни зимнего праздника *Сурхури*, отмечаемого в период зимнего солнцеворота и совпадающего с Новым годом. При этом автор статьи констатирует, что

и здесь старинные обрядовые песни уходят из памяти людей. Угасает традиция пения песен во время проводов в армию, сохранился лишь один напев для озвучивания свадебных текстов, полностью исчез свадебный плач невесты, практически отсутствуют весенние игровые и зимние посиделочные песни [5, с. 4].

В результате этой экспедиции был собран весьма обширный материал, богатый в жанрово-стилевом отношении. Достаточно широко представлен пласт календарного фольклора: песни праздника *Сурхури* (пять образцов), совпадающего с зимним солнцестоянием и отождествляемого с православным Рождеством, масленичные песни – *Џаварни юрри* (13 образцов). Зафиксированы также песни, исполняемые во время сенокоса (девять образцов), – жанр, распространённый именно у верховых чувашей (*вирьял*) [6, с. 106]. Среди записей всего два образца хороводных песен (*вйй юрри*), приуроченных к весеннему периоду, что подтверждает мысль об их нехарактерности для этого музыкального диалекта [6, с. 106].

Песенный фольклор жизненного цикла представлен, прежде всего, двадцатью пятью свадебными песнями (*туй юрри*), в том числе двумя песнями невесты (*хёр юрри*), которые пелись в день свадьбы при выходе невесты из родительского дома. Присутствуют также образцы детско-материнского фольклора: песни, исполняемые детьми (*ача-пйча юрри*), и колыбельные (*сйпка юрри*). Кроме того, М.Г. Кондратьевым были собраны 16 песен призывников (*салтак юрри*), хотя при этом исследователь сетует на исчезновение обряда проводов в рекруты (в армию).

Не менее широко представлен пласт неприуроченных жанров. Среди них два варианта одного текста эпически-повествовательного жанра – байта (*нейёт*)⁶, 34 гостевые, пирушечные песни (*ёскё*

юрри), пять плясовых припевок (*таий такмакёсем*). Зафиксированы образцы лирических высказываний, обозначенные в полевом дневнике как «песня одинокого человека» (*пёччен сын юрри*), «песня, исполняемая во время грусти, тоски» (*тунсйх юрри*), а также о Великой Отечественной войне. Кроме того, на магнитофонных плёнках присутствует несколько замечательных наигрышей на гусях – полька, вальс, краковяк, инструментальные версии некоторых чувашских и русских песен.

Обратимся далее к рассмотрению фольклорного материала, записанного от чувашско-сибирских переселенцев. В деревнях Тарского и Муромцевского районов Омской области проживают потомки выходцев из деревень Хирлукасы, Санкино и Мочковашаи Красночетайского района Чувашии [3, с. 81]⁷. Современные носители традиции либо родились в Сибири, либо были привезены в Омскую область в детском возрасте. Запись фольклорных произведений и этнографической информации проводилась от женщин и мужчин пожилого возраста (1924–1938 годов рождения), а также представительниц более молодого поколения – женщин, родившихся в 1950-е годы и поющих в вокальном коллективе под названием «Сладкая ягода». Известно, что сбор фольклора чувашей Омской области ранее не проводился и тема бытования чувашского фольклора в данной локальной традиции ещё не получила своего отражения в публикациях.

Сразу отметим, что к 2008 году в условиях сибирской диаспоры, в окружении русского и других народов (украинцев, коми-зырян, казанских татар) живое бытование чувашской фольклорной традиции оказалось безвозвратно утраченным, ушло в небытие вместе со своими носителями или же фрагментарно сохранилось в практике пассивного хранения. Опрошен-

ные нами сибирские чувашаи, как правило, гораздо охотнее делились разнообразной этнографической информацией, нежели пели. Были зафиксированы рассказы-воспоминания о переселении чувашей в Омскую область, о первопоселенцах деревни Машканка, известной, по словам информантов, с 1927 года, о голодном военном детстве, о наполненной тяжёлым трудом жизни в колхозе.

Несмотря на все испытания XX века, существуя при этом в новых, более суровых, чем в Поволжье, природно-климатических условиях, в иноэтническом окружении, чувашские переселенцы вплоть до последних десятилетий XX века находили в себе силы сохранять свою родную культуру. Так, существовала традиция поздравительных обходов с ряженым и посевами, благопожеланиями на Рождество (*Сурхури*), обрядовых действий на Крещение (*Кйшарни*)⁸. Было записано много рассказов о масленичных гуляниях – катаниях молодых девушек (невест) на санях, украшенных лентами, с колокольчиками под дугой, с пением масленичных песен. Вплоть до конца XX века не прекращалась традиция обходов дворов односельчан на Пасху (*Мйнкун*) и пасхальных качелей. Общедеревенские гуляния бытовали также на Троицу (*Труйски*) и Петров день (*Петрав*). Отмечались календарно приуроченные поминальные дни – «*после Пасхи*» и «*на Троицу*».

Среди обрядов жизненного цикла были распространены крещения детей мирянами – погружение. Свадьбы, по словам информантов, в середине XX века особо не справляли, поскольку жили в сельской местности очень бедно – новобрачные просто расписывались в ЗАГСе. При совершении похоронного обряда исполнялись фольклоризованные православные песнопения, в частности, пелась молитва Трисвятое. Достаточно долго на омской

земле бытовал обычай проводов в армию (*салтак йсатни*), когда новобранцев возили по деревне в телеге, повязывали им крест-накрест полотенца и желали благополучного возвращения домой.

В отношении музыкального фольклора, к сожалению, приходится констатировать, что в начале XXI века традиция потомков верховых чувашей находилась в стадии угасания и забвения. Удалось записать всего несколько песенных образцов, сохранившихся в памяти наших информантов в практике пассивного хранения.

Среди календарно приуроченных жанров был зафиксирован единственный образец новогодней припевки *Сурхури юрри*, исполненный представительницей среднего поколения З.Н. Яруткиной (1954 года рождения). От представительниц старшего поколения З.И. Скворцовой (1928 года рождения), Н.И. Николаевой (1932 года рождения), Н.И. Гавриловой (1938 года рождения) было записано несколько образцов масленичных песен (*Џаварни юрри*), а также фольклоризованные варианты пасхального тропаря «Христос воскрес», вошедшего в чувашскую фольклорную традицию и исполняемого в весенний календарный период. Исполнители вспомнили также несколько рекрутских песен (*салтак юрри*), звучавших во время проводов новобранцев в армию.

Более широко представленным оказался корпус образцов неприуроченных песен, как традиционных, так и позднего происхождения (в том числе и в XX веке). Были записаны также частушки на чувашском языке с видоизменённым напевом русской «Подгорной».

В репертуар омских чувашей, кроме того, вошли образцы, заимствованные из русского фольклора. Среди них историческая «Соловей кукушку уговаривал», с балладным содержанием – «Молодой

генерал, вёл коня он поить» (на мотив известной песни более поздней традиции «Хасбулат удалой»), русские плясовые.

Чувашская фольклорная традиция также впитала в себя произведения из репертуара колхозной самодеятельности 1930-х годов, в том числе русские частушки с напевами «Подгорная» и «Иркутяночка». Можно сказать, что утраченная значительная часть традиционного чувашского песенного репертуара на сибирской земле восполнялась включением русских песен, что явилось результатом постоянных контактов с русским населением соседних деревень.

Поволжский вариант⁹

*Шăкăр-шăкăр шу йохать
[Ă]сталла йохса каять-ши?
Ай, мăнтарăн яш ёмёр
[Ă]сталла иртсе кайрĕ-ши?
Шăкăр-шăкăр шу йохать
Чолпа хăйăр хошшиийа,
Çамрăк ёмёр иртсе карь
Хойхăна та куçсульпа.
Чопрăм антăм сырмая
Кăвак хот окса пуçтарма.
Кăвак хот окса пичетсёр,
Манăн пуçам телейсёр.*

Сибирский вариант¹⁰

*Чупрăм, антăм, ай, сырмая,
К[ă]вак хут укса, ай, пуçтарма.
К[ă]вак хут укса, ай, пичетсёр,
Ман яш ёмёр, ай, телейсёр.*

Очевидна лучшая сохранность варианта, бытовавшего в материковой традиции: он оказывается более протяжённым, в то время как от сибирских исполнителей удалось зафиксировать лишь последнюю строфу. При этом наблюдается почти точное совпадение словесных текстов —

При сравнении образцов материнской и диаспорной традиций были обнаружены близкие, почти точные варианты одних и тех же фольклорных текстов. Среди них две масленичные и одна гостевая. По содержанию это нередко лирико-философские размышления о быстротечности жизни и прошедшей молодости, о счастливой доле или же её отсутствии, характерные для традиционных чувашских краткосюжетных песен (*çавра юрă*). Приведём далее поволжский и сибирский варианты гостевой песни:

Журчит, течёт вода,
Куда же она течёт?
Ай, наша молодость,
Куда же она прошла?
Журчит, течёт вода
В камень и песок,
Век молодости прошёл
В горе и в слезах.
Побежала, спустилась, ай, к реке,
Собирать синие бумажные купюры денег.
Синие бумажные деньги без печати,
Моя головушка без счастья.

Побежала, спустилась, ай, к реке,
Собирать синие бумажные купюры денег.
Синие бумажные деньги, ай, без печати,
Моя молодость, ай, без счастья.

в отличие от интонационной структуры напевов, где сходство обнаруживается только в начальной малотерцовой интонации. Тем не менее в каждом из образцов присутствуют закономерности, свойственные чувашской народной музыке. К ним относятся пентатонная ладовая си-

стема (строгая пентатоника единожды нарушается проходящим звуком во второй строке сибирского варианта), нисходящий

мелодический контур, квантитативная ритмика, реализуемая в четырёхъячейковых семи-восьмисложных формах.

Музыкальный вариант Поволжский вариант. Темп = 84. Первая строка: Чу - прәм, а - нтәм, ай, пу - ҫта - рма. <...>. Вторая строка: К[ӑ]вак хут у - кса, ай, пу - ҫта - рма. Третья строка: К[ӑ]вак хут у - кса, ай, пи - че - тсёр. Четвертая строка: Ман яш ё - мёр, ай те - ле - йсер.

Поволжский вариант

Музыкальный вариант Сибирский вариант. Темп = 100. Первая строка: Шӑ - кӑр - шӑ - кӑр шу йо - хать. Вторая строка: [Ӑ]ҫта-лла йо - хса ка - ять - ши?. Третья строка: Ай, ма - нта - ран яш ё - мёр. Четвертая строка: [Ӑ]ҫта-лла и - ртсе ка - йрё - ши?

Сибирский вариант

Интересно, что сибирская исполнительница обозначила эту песню как частушку. Вероятно, в её сознании это стало возможным в силу внешнего сходства монострофных структур чувашской краткосюжетной песни (*çавра юрӑ*) и частушки, а также в результате большой популярности жанра частушки в XX веке.

Обобщая результаты проведённой работы, укажем, что обозначенные закономерности музыкальной организации раскрываются во всех зафиксированных в Сибири образцах традиционной чувашской песенности: масленичных, рекрутских, гостевых, лирических песнях. Сохранение этих элементов свидетельствует об их глубокой стабильности и значимости для чувашской песенной культуры, о непрекращающейся связи песенного фольклора омских чувашей с материковой традицией Красночетайского района Чувашии.

В то же время бытование фольклора в условиях диаспоры вносит свои ощутимые коррективы в структуру жанровой

системы. Так, заметную роль стали играть заимствования из русской традиционной музыкальной культуры. В местную традицию оказались включёнными отдельные жанры: лирические песни поздней традиции, звучащие на чувашском и русском языках, частушки с русскими напевами, фольклоризованные песнопения.

Что же касается утраты большей части традиционных жанров, то заметим, что в Омской области это касается не только музыкального фольклора чувашей: стремительно уходит из жизни довоенное поколение его носителей, приходят в запустение и упадок, исчезают с лица земли и сами чувашские деревни... Вполне вероятно, что за прошедшие несколько лет уже не сохранились и рассмотренные в настоящей статье примеры песен, поскольку практически отсутствует передача их более молодому поколению. Тем ценнее для нас эти единичные песенные образцы, записанные от верховых чувашей – особенно малочисленной диалект-

ной группы в Сибири, по сравнению с низовыми (*анатри*) и средненизовыми (*анат-енчи*) чувашами. Нет сомнения в

том, что рассмотренные образцы займут своё достойное место в изучении и публикации фольклора сибирских чувашей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (№ 19–78–10113, 2019–2022, рук. П.С. Шахов).

² По данным переписи населения 2010 г. в Сибирском федеральном округе проживало 40527 чувашей [2].

³ Данная информация сохранилась в памяти современных потомков чувашских переселенцев [3, с. 81].

⁴ Материалы музыкально-фольклорной экспедиции в Красночетайский район, 1983 г. Научный архив ЧГИГН. VI. 366. Инв. № 1563.

⁵ Материалы музыкально-этнографической экспедиции в Омскую область, 2008 г. Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, А 0234.

⁶ Баит с сюжетом об убийстве жены мужем по наговору свекрови.

⁷ Возможно, также и из других соседних с ними населённых пунктов Красночетайского района Чувашии. Потомки чувашских переселенцев далеко не во всех случаях помнят о местах проживания своих родителей в Поволжье.

⁸ К ритуальным действиям на Крещение относятся рисование мелом крестиков над входом в дом, сбор воды из природных водоёмов в ночь на 19 января.

⁹ Записано в 1983 году в селе Красные Четаи Красночетайского района Чувашской АССР от Е.Т. Ебраевой (Сидоровой), 1920 года рождения.

¹⁰ Записано в 2008 году в деревне Машканка Тарского района Омской области от Н.И. Гавриловой, 1938 года рождения. Её отец Иван Ефремов приехал из деревни Санкино Красночетайского района Чувашской АССР в 1927 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альмеева Н.Ю. Вопросы изучения межэтнических связей в фольклоре народов Поволжья и Урала // Межэтнические связи в фольклоре: Материалы V-й Междунар. школы молодых фольклористов. СПб.: Российский институт истории искусств, 2016. С. 80–98.

2. Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.03.2021).

3. Исмагилова Е.И. Особенности распространения музыкально-фольклорных традиций чувашей Сибири в сравнении с материковой территорией их бытования // Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 76–86.

4. Кондратьев М.Г. Пуласлăх валли упраса хăвармалла // Коммунизм сÛлÛпе. № 112, 17.09.1983. С. 3.

5. Кондратьев М.Г. Пуласлăх валли упраса хăвармалла // Коммунизм сÛлÛпе. № 113, 20.09.1983. С. 4.

6. Кондратьев М.Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.

7. Кондратьев М.Г. Чувашская музыка: от мифологических времён до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

8. Коровушкин Д.Г. Чуваши в Западной Сибири. Расселение и численность в конце XIX–XXI веках. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2009. 188 с.

9. Шахов П.С. К изучению локальных фольклорных традиций народов Поволжья автохтонного и сибирского бытования (о проекте по созданию интерактивного атласа звучащих текстов). Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 87–101.

10. Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and autochthonous traditions within udmurt folksong (on the example of the Siberian udmurt) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2020. № 1 (14), pp. 85–110.

Об авторах:

Исмагилова Екатерина Игоревна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Новосибирск, Россия), **ORCID: 0000-0001-5135-865X**, zhimul@inbox.ru

Федотова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, выпускающий редактор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Чебоксары, Россия), **ORCID: 0000-0002-3479-7455**, elena.fedotova.73@inbox.ru

REFERENCES

1. Al'meeva N.Yu. Voprosy izucheniya mezhetnicheskikh svyazey v fol'klоре narodov Povolzh'ya i Urala [Issues of studying interethnic relations in folklore of the Volga and Urals peoples]. *Mezhetnicheskie svyazi v fol'klоре: Materialy V-y Mezhdunarodnoy shkoly molodykh fol'kloristov* [Interethnic relations in folklore: Proceedings of the Vth International School for Young Folklorists]. St. Petersburg: Rossiyskiy institut istorii iskusstv, 2016, pp. 80–98.

2. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. Tom 4. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [All-Russian Population Census 2010. Vol. 4. National composition and language proficiency, citizenship]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_ito-gi1612.htm (16.03.2021).

3. Ismagilova E.I. Osobennosti rasprostraneniya muzykal'no-fol'klornykh traditsiy chivashey Sibiri v sravnenii s materikovoy territoriei ikh bytovaniya [Peculiarities of the distribution of musical folklore traditions of the Chuvash people of Siberia in comparison with the mainland territory of their existence (in Russian)]. *Vestnik muzykal'noy nauki* [Bulletin of Musical Science. 2020. Vol. 8, No. 2, pp. 76–86.

4. Kondrat'ev M.G. Pulaslăkh valli uprasa khăvarmalla [Save for the future]. *Kommunizm çulêpe* [On the road of communism]. No. 112, 17.09.1983, pp. 3.

5. Kondrat'ev M.G. Pulaslăkh valli uprasa khăvarmalla [Save for the Future]. *Kommunizm çulêpe* [On the Road of Communism]. No. 113, 20.09.1983, pp. 4.

6. Kondrat'ev M.G. *Chuvashskaya muzyka v zerkale paralleley: k probleme Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsvivilizatsii* [Chuvash Music in the Mirror of Parallels: to the Problem of the Volga-Ural Musical Civilization]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2018. 447 p.

7. Kondrat'ev M.G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash Music: from Mythological Times to the Formation of Modern Professionalism]. Moscow: PER SE, 2007. 288 p.

8. Korovushkin D.G. *Chuvashi v Zapadnoy Sibiri. Rasselenie i chislennost' v kontse XIX–XXI vekakh* [The Chuvash in Western Siberia. Settlement and number in the end of XIX–XXI centuries]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2009. 188 p.

9. Shakhov P.S. K izucheniyu lokal'nykh fol'klornykh traditsiy narodov Povolzh'ya avtokhtonogo i sibirskogo bytovaniya (o proekte po sozdaniyu interaktivnogo atlasa zvuchashchikh tekstov) [Towards the Study of Local Folklore Traditions of the Peoples of the Volga Region in Autochthonous and Siberian Spoken Word (about the project on the creation of the interactive atlas of the sound texts)]. *Vestnik muzykal'noy nauki* [Bulletin of Musical Science]. 2020. Vol. 8, No. 2, pp. 87–101.

10. Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and autochthonous traditions within udmurt folksong (on the example of the Siberian udmurt). *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020. No. 1 (14), pp. 85–110.

About the authors:

Ekaterina I. Ismagilova, PhD (Arts), Senior Researcher, Folklore Sector of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (630090, Novosibirsk, Russia), **ORCID: 0000-0001-5135-865X**, zhimul@inbox.ru

Elena V. Fedotova, PhD (Philology), Issuing Editor of the Chuvash State Institute of Humanitarian Studies (428015, Cheboksary, Russia), **ORCID: 0000-0002-3479-7455**, elena.fedotova.73@inbox.ru

